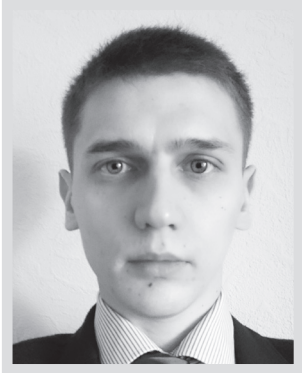

УДК 347.27.01

Структура залогового правоотношения

Рудаков И.С.

Аспирант кафедры гражданского права

Уральского государственного юридического университета

Статья посвящена внутреннему строению залогового правоотношения. Исследуются различные подходы к пониманию права залога. Аргументируется, что деление прав на абсолютные и относительные может применяться только к элементарным правоотношениям.

Ключевые слова: залог, правоотношение, классификация гражданских прав, абсолютные права, относительные права, договор залога.

Одной из неразрешенных проблем отечественной цивилистики является вопрос о природе права залога и его месте в традиционной классификации гражданских прав. На сегодняшний день существуют два основных подхода к этой проблеме. Как указывает Р.С. Бевзенко, первый из них заключается в том, что залог рассматривается как обеспечительный договор, т.е. обязательственное отношение между залогодателем и залогодержателем, а второй состоит в признании залога вещным правом, содержанием которого является правомочие кредитора присвоить себе преимущественно перед другими кредиторами ценность заложенной вещи [1, с. 546].

Отсутствие единой концептуальной основы института залога непосредственно сказывается на правотворческой деятельности. Как отмечал в 2008 г. А.А. Иванов, в ходе реформы гражданского законодательства право залога (ипотеку) следовало признать вещным правом распоряжения чужой вещью, вопрос же о вещном характере залога движимых вещей подлежал дополнительному обсуждению, а вот признание залога прав вещным правом было исключено [2, с. 103.].

В результате в настоящее время в п. 4 ст. 334 ГК РФ оказалась реализована компромиссная модель, согласно которой залог движимого имущества признается обязательственно-правовым способом обеспечения обязательств, а залог недвижимости – вещно-правовым способом [3, с. 116].

Представляется однако, что при определении того, какую природу должен иметь залог, в первую

очередь следует ориентироваться на цель этого института, а именно защиту интересов кредитора от рисков неисполнения обязательства должником и в конечном счете повышение доступности кредита. Для достижения этой цели залогодержатель должен иметь возможность противопоставить свое право на ценность предмета залога другим кредиторам залогодателя и прочим третьим лицам, возможность, обеспечить которую сегодня может только режим вещных (абсолютных) прав. Если же понятие залога не полностью удовлетворяет признакам вещного права, то во имя практического результата необходимо поступиться логической стройностью теории. Тем не менее негативный эффект, возникающий из-за неполного соответствия желаемого решения сложившейся систематике гражданского права, можно попытаться минимизировать с помощью догматических аргументов. Для этого в настоящей статье мы остановимся на одном аспекте, который далеко не всегда принимается во внимание при обсуждении природы залога, а именно на структуре залогового правоотношения.

Как известно, в отечественной правовой науке были выработаны два основных подхода к пониманию правоотношения. Как отмечает Ю.Г. Ткаченко, они соответствуют двум явлениям правовой действительности. В одном случае под правоотношением понимаются субъективные права и юридические обязанности, представляющие индивидуальные модели возможного и должного поведения субъектов права, выступающие как образцы-мерки для этого

поведения (но не само фактическое поведение). Во втором случае под правоотношением понимается фактическое отношение, урегулированное нормами права. Первое явление автор именуется «правоотношением-моделью», а второе – «правоотношением-отношением» [4, с. 96-97].

Какой же из этих подходов имеет большую познавательную ценность? Правоотношение-модель, по замечанию С.С. Алексеева, качественно не отличается от юридических норм и относится к средствам правового регулирования, его механизму, тогда как правоотношение-отношение принадлежит к предмету регулирования и тем самым представляет собой явление, лежащее за пределами права [5, с. 338-341]. Следовательно, для догматического исследования представляет интерес лишь правоотношение в первом его понимании, как модель или юридическая конструкция.

С учетом сказанного, далее мы будем исходить из определения правоотношения, предложенного О.А. Красавчиковым, согласно которому гражданское правоотношение – это юридическая форма общественного отношения, урегулированного нормами права, которая представляет собой систему мер юридически возможного и юридически необходимого поведения участников данной социальной связи [6, с. 24-25].

В содержание правоотношения как правовой формы входят меры юридически возможного и юридически необходимого поведения его участников (субъективные права и обязанности). Данные элементы правоотношения организованы в систему, то есть взаимодействуют между собой и зависят друг от друга, функционально составляя единое целое. Способ или форму такой внутренней взаимосвязи прав и обязанностей в правоотношении именуют структурой его содержания [7, с. 74].

Считается, что в наиболее элементарном виде правоотношение складывается из одного субъективного права и корреспондирующей ему субъективной обязанности [6, с. 24]. Такие правоотношения по отдельности встречаются крайне редко. Большинство же правоотношений обладают сложной структурой, поскольку в них у каждой стороны имеются несколько прав и несколько обязанностей. В этом случае составными частями сложного правоотношения выступают именно элементарные правоотношения [8, с. 21].

По мнению многих исследователей, залоговое правоотношение по своему содержанию относится к числу сложноструктурных правовых связей. Так, Б.М. Гонгало отмечает, что договор о залоге порождает комплекс прав и обязанностей залогодателя и залогодержателя, и именно эти компоненты системы залогового правоотношения подлежат характеристике в качестве вещных или обязательственных [9, с. 155, 163].

Сходной точки зрения придерживается В.В. Кулаков, предлагая понимать залог как совокупность отношений двух родов: обязательственных – между залогодателем и залогодержателем и вещных – между залогодержателем и всеми остальными участниками оборота [10, с. 52].

Аналогичную позицию занимает и Д.Н. Морозов, указывая, что правоотношения, возникающие при залоге вещей, по своей природе являются как вещными, так и обязательственными; квалификация же залогового правоотношения в целом как правоотношения строго вещного или обязательственного не позволяет объяснить причины существования в нем противоположных черт [11, с. 28].

Выделение структуры залогового правоотношения имеет большое методологическое значение. Дело в том, что такие традиционные классификации гражданских прав, как деление их на абсолютные/относительные и вещные/обязательственные, разрабатывались для анализа элементарных правоотношений и оказываются неприменимыми к изучению правоотношений сложных, комплексных.

Примером игнорирования структуры правоотношения при исследовании залога является позиция В.К. Райхера, который, анализируя деление прав на абсолютные и относительные, пришел к выводу, что, хотя сама эта классификация является правильной, большинство тех прав, которые обычно признаются абсолютными (в частности, ограниченные вещные права), в действительности являются относительными. Причиной такого умозаключения автора послужило наблюдение о том, что в ограниченных вещных правах помимо отношения управомоченного ко всем третьим лицам существует также особое правоотношение, связывающее только управомоченного и собственника вещи. Так, рассматривая залог, В.К. Райхер пишет: «В самом залоговом правоотношении – как и в застроечном – из неопределенной среды всех прочих лиц отчетливо выделяется на первом плане фигура залогодателя! Между ним и залогодержателем тянется какая-то особая правовая нить, имеется особое *vinculum juris*, качественно и глубоко отличное от отношений залогодержателя к третьим лицам... Наличие такого особого правоотношения между управомоченным и каким-нибудь отдельным субъектом уже само по себе исключает квалификацию данного права как абсолютного (вещного), т.е. действующего – по известной формуле – непосредственно против всех, совершенно независимо от каких-либо особых отношений к другим лицам, безлично против каждого – совершенно одинаковым образом» [12, с. 167-172].

Представляется очевидным, что В.К. Райхер в данном случае изучает залог как сложное правоотношение, на что указывает и тот факт, что в качестве дополнительного аргумента в пользу относительности залога он ссылается на обоюдность прав

и обязанностей залогодержателя и залогодателя. Однако сложное правоотношение, взятое как целое, в котором каждый участник является и управомоченным, и обязанным, в принципе не может быть ни абсолютным, ни относительным. Следует согласиться с А.О. Рыбаловым, который, оценивая точку зрения В.К. Райхера, указывает, что «классификация прав (или правоотношений) на абсолютные и относительные работает только в рамках того “концептуального каркаса”, в котором конвенционально принята “элементарная модель” правоотношения, то есть элементарной связи права и обязанности. В.К. Райхер исходит из иной правовой конструкции, понимая под правоотношением комплекс прав и обязанностей сторон, возникших из одного юридического факта. Но тогда нельзя критиковать классификацию, произведенную на основе иных конструкций. С таким же основанием можно критиковать геометрию Евклида с позиции геометрии Лобачевского» [13, с. 124].

Тем же недостатком, что и теория В.К. Райхера, страдает и существующая в отечественной науке концепция смешанных правоотношений. В намерение её родоначальника М.И. Брагинского входило, как представляется, лишь показать условность деления субъективных прав на вещные и обязательственные, его историческую обусловленность. Так, он пишет: «Смысл любой классификации состоит в конечном счете в том, что соответствующее понятие относят к определенной группе. При этом учитывается, что оно обладает родовыми признаками этой группы и одновременно то, что в нем отсутствуют родовые признаки, присущие другим группам... Часть складывающихся в гражданском обороте правовых связей действительно отвечает перечисленным признакам либо вещных, либо обязательственных правоотношений. И все же едва ли не большинство гражданских правоотношений являются смешанными – “вещно-обязательственными”» [14, с. 277-278]. Действительно, иногда правоотношения складываются в жизни стихийно, на основе обычая, в результате чего эффективно работающие на практике конструкции не всегда полностью совпадают с традиционными научными категориями.

Однако в работах последователей М.И. Брагинского концепция смешанных правоотношений получила нежелательную натуралистическую трактовку. В частности, И.В. Родионова отмечает, что в смешанных правоотношениях, которые, по ее мнению, также составляют большинство от их общего числа, имеет место диффузия, взаимное проникновение вещных и обязательственных элементов в ткани правоотношения. При этом, приходя к выводу о смешанной природе залога, автор рассматривает его как нечто неразделимое, отмечая, что залогоу присущи одновременно как вещные, так и обязательственные признаки [15, с. 46, 54].

Общим последствием игнорирования вопроса о структуре правоотношений является нивелирование основных классификаций гражданских прав: ведь если почти все правоотношения являются только относительными или вещно-обязательственными, то и смысл выделения этих категорий теряется.

Следовательно, нельзя считать, что залоговое правоотношение представляет из себя некий «монолит», обладающий одновременно взаимоисключающими свойствами. Любые же концепции, не учитывающие фактор структуры правоотношения, не могут дать адекватного описания залога. Напротив, следует признать, что залоговое правоотношение состоит из нескольких относительно самостоятельных элементарных правоотношений, бесспорно, тесно связанных между собой, которые и должны подвергаться рассмотрению с точки зрения их взаимозависимости.

Одно из таких элементарных правоотношений является основным, выступает в качестве «центра тяжести» залога, тогда как другие правовые связи являются по отношению к нему вспомогательными, служебными. В качестве центрального, по нашему мнению, должно рассматриваться отражающее экономический интерес залогодержателя право требовать удовлетворения из ценности заложенного имущества путем его публичной продажи, которое квалифицируется как абсолютное и вещное. Другие же права залогодержателя, являющиеся обязательственными, например, возможность требовать от залогодателя совершения действий по страхованию заложенного имущества и обеспечению его сохранности (п. 1 ст. 343 ГК РФ) самостоятельного значения не имеют и нацелены лишь на создание условий для реализации залогодержателем своего основного права.

Взаимозависимость этих прав проистекает из того, что основанием их возникновения обычно является один и тот же юридический факт – договор залога. По-видимому, это обстоятельство и объясняет встречающееся в науке и судебной практике стремление уподобить залог в целом обязательству. Между тем, как отмечает А.А. Новицкая, в современной доктрине договор уже давно имеет значение универсального источника любых прав и обязанностей, утратив функцию источника именно обязательственного правоотношения, что, в свою очередь, ведет к утрате идеи обязательства как особой субъективной юридической ситуации, возникающей из договора [16, с. 20-21]. К тому же выводу по результатам тщательного исследования понятия договора приходит и И.В. Бекленищева, подчеркивая, что существуют договоры, на основании которых возникают только абсолютные, а не относительные правоотношения [17, с. 72-80]. Соответственно, нет никаких препятствий к тому, чтобы признать, что из договора залога могут непосредственно возникать не только обязательственные, но и вещные права.

Таким образом, выделение структуры залогового правоотношения является необходимым этапом на пути к выяснению сущности залога, поскольку позволяет, во-первых, при помощи анализа установить входящие в него отдельные связки прав и обязанностей, а во-вторых, определить, какие из них имеют большее значение и подлежат более тщательному изучению.

Литература:

- Бевзенко Р.С. Обеспечение обязательств (залог, поручительство, гарантия): сборник публикаций. – М.: Статут, 2015. – 592 с.
- Иванов А.А. Об основных направлениях совершенствования законодательства о вещных правах // Вестник гражданского права. – 2008. – № 4. – С. 96-109.
- Гонгало Б.М. Развитие кодификации законодательства о залоге // Кодификация российского частного права 2015 / Под ред. П.В. Крашениникова. – М.: Статут, 2015. – 447 с.
- Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. – М.: Юрид. лит., 1980. – 176 с.
- Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. – М.: Проспект, 2008. – 576 с.
- Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: Избранные труды: В 2 т. Т. 2. – М.: Статут, 2005. – 494 с.
- Советское гражданское право: учеб. В 2 т. Т. 1 / Под ред. О.А. Красавчикова. – М.: Высш. шк, 1985. – 544 с.
- Александров Н.Г. Юридическая норма и правоотношение. – М., 1947. – 27 с.
- Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. – М.: Статут, 2004. – 222 с.
- Кулаков В.В. Залог недвижимости как способ обеспечения обязательств: дис. ... канд. юрид. наук. – Ульяновск, 1999. – 162 с.
- Морозов Д.Н. Защита гражданских прав участников залогового правоотношения: дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2009. – 182 с.
- Райхер В. К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав) // Вестник гражданского права. – 2007. – № 2. – С. 144-204.
- Рыбалов А.О. Проблемы классификации гражданских правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2007. – 221 с.
- Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. – М.: Статут, 2008. – 848 с.
- Родионова И.В. Залог прав: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 182 с.
- Новицкая А.А. Учение о sinalлагматическом договоре в римском праве. Контракт Лабеона // Вестник гражданского права. – 2013. – № 2. – С. 20-59.
- Бекленищева И.В. Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции. – М.: Статут, 2006. – 203 с.

The Structure of Pledge Legal Relationship

*I.S. Rudakov
Urals State Law University*

The article is devoted to structure of pledge legal relationship. Different approaches to the nature of pledge are examined. It is argued that distinction between absolute rights and relative rights can be invoked only in the case of elementary legal relationship.

Key words: pledge, legal relationship, classification of private rights, absolute rights, relative rights, security agreement.

